

Ю. Е. Пудовочкин

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

М. М. Бабаев

Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России
г. Москва, Российская Федерация

Преступность в контексте философии истории

Резюме. Совершенствование методологических основ криминологической науки предполагает расширение ее междисциплинарных связей, в том числе с философией и историей. Это обеспечивает возможность исследования преступности как определенного социального процесса, протекающего в общей логике развития общества и подчиненного ей. Классическая философия истории предлагает несколько вариантов понимания смысла и движущих сил исторического процесса, которые предопределяют конкурирующие взгляды на историю преступности. Теология и марксизм, принципиально различаясь во взгляде на механизм истории, обеспечивают понимание преступности как линейно развивающегося процесса, имеющего истоки в прошлом, но неизбежно исчезающего в будущем по мере достижения «конца истории». Циклические концепции исторического процесса позволяют взглянуть на преступность как на вечное, неуничтожимое явление, меняющее свои основные формы по мере смены исторических циклов и в соответствии с основными параметрами самого этого цикла. Концепции многофакторного исторического развития обуславливают подчеркнuto социологическое объяснение преступности, в рамках которого ее состояние может оцениваться вне контекста прошлого и будущего. Постмодернистский вызов универсальным классическим историософским концепциям фактически разрушил их объяснительное значение и методологическую ценность. Вместе с тем постмодернизм создает благоприятные возможности для понимания процесса преступности как неотъемлемой части множества параллельно протекающих и пересекающихся историй: истории либерализма, истории экономики, истории сохранения национальной идентичности и т.д. В этом случае на месте истории преступности (в единственном числе) появляются истории преступности (во множественном числе). И только такой многослойный взгляд на процессы развития преступности и ее связи с социальными процессами может обеспечить адекватное методологическое сопровождение криминологических исследований. В этом отношении результаты исследования можно рассматривать как вклад в развитие набирающей актуальность исторической криминологии.

Ключевые слова: историческая криминология; методология криминологии; преступность как процесс; развитие преступности; философия преступности; история преступности; будущее преступности; объяснение преступности; теология; марксизм; циклизм; постмодерн

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Преступность в контексте философии истории. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 11. С. 57–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.057-073

Crime in the Context of Philosophy of History

Yuriy E. Pudovochkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Mikhail M. Babaev

All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Abstract. Methodological foundations for improvement of criminological science involve the expansion of its interdisciplinary connections, including its connections with philosophy and history. This makes it possible to study crime as a certain social process taking place in the general logic of the development of society and subordinate to it. The classical philosophy of history offers several options for understanding the meaning and driving forces of the historical process that predetermine competing views on the history of crime. Theology and Marxism, fundamentally differing in their view of the mechanism of history, provide an understanding of crime as a linearly developing process that has its origins in the past, but inevitably disappears in the future as the «end of history» is reached. Cyclical concepts of the historical process allow us to look at crime as an eternal, indestructible phenomenon that changes its basic forms as historical cycles change and in accordance with the basic parameters of this cycle itself. The concepts of multifactorial historical development determine an emphatically sociological explanation of crime, within which its state can be assessed outside the context of the past and future. The postmodern challenge to universal classical historiosophical concepts has actually destroyed their explanatory significance and methodological value. At the same time, postmodernism creates favorable opportunities for understanding the process of crime as an integral part of many parallel and overlapping histories: the history of liberalism, the history of economics, the history of preserving national identity, etc. In this case, crime stories (plural) appear in place of crime history (singular). And only such a multi-layered view of the processes of crime development and its connection with social processes can provide adequate methodological support for criminological research. In this regard, the results of the study can be considered as a contribution to the development of historical criminology, which is gaining relevance.

Keywords: historical criminology; methodology of criminology; crime as a process; development of crime; philosophy of crime; history of crime; future of crime; explanation of crime; theology; Marxism; cyclism; postmodern

Cite as: Pudovochkin YuE, Babaev MM. Crime in the Context of Philosophy of History. *Lex russica*. 2023;76(11):57-73. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.057-073

Введение

Преступность является частью общества, и в этом качестве понимание специфики ее развития неотделимо от понимания сущности самого общества, его устройства и особенностей эволюции. В криминологической науке способность преступности развиваться вместе с развитием социума, с одной стороны, прямо утверждается через указание на такой ее имманентный признак, как «историческая изменчивость». «Эволюция преступности, — пишет Ю. М. Антонян, — это одна из составляющих истории развития общества, социальные, эко-

номические и гуманитарные процессы в котором всегда вызывали изменения преступности, а также способов и средств совершения преступлений»¹. С другой стороны, проблематика взаимной связи истории общества и истории преступности всё еще остается недостаточно исследованной.

В самом первом приближении можно указать несколько причин такого положения вещей.

Во-первых, это общее (мягко скажем, не вполне удовлетворительное) состояние современной отечественной криминологической науки, характеризующееся среди прочего па-

¹ Антонян Ю. М. Основные черты преступности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2022. № 2. С. 90.

дением исследовательского интереса к междисциплинарным (философско-криминологическим и историко-криминологическим) разработкам.

Во-вторых, уничтожительная постмодернистская критика, а по большому счету постмодернистское разрушение некогда авторитетных, универсальных концепций философии истории, призванных объяснять смысл и направленность общественного развития. Современная историческая наука и философия не склонны к глобальным теоретическим построениям, сосредоточившись на разработке важных, разных, но всё же относительно частных концепций. Доктрины, подобные теологии, диалектике Гегеля или марксизму, которые могли бы объяснить всё происходящее в мире в пределах единой концептуальной рамки, являются порождением прошедших времен. Они, вне сомнений, не утратили ни привлекательности, ни познавательной ценности, но они суть доктрины «из прошлого». В то время как философия постмодерна — порождение дня сегодняшнего — не склонна к «метарассказам» (Ж.-Ф. Лиотар²), формируется «сложный комплекс особого миропонимания и мироотношения, внешне отмеченный несистематизированностью, зыбкостью, подвижностью и принципиальной непроработанностью своих составных частей»³. Отсутствие современных доктрин, предлагающих универсальный взгляд на мир в целом, создает для исследователей в отдельных областях научного знания (в том числе в криминологии) существенные препятствия в поиске общих закономерностей и взаимозависимостей развития общества, в том числе в объяснении истории и будущего преступности.

В-третьих, это нерешенность (а по большому счету необсуждаемость) современной криминологической наукой ряда методологических по своему значению вопросов о том, должно ли подходить к исследованию связи истории общества и преступности с социально-исторических или собственно криминологических позиций, предполагает ли логика соответствующего анализа выведение истории преступ-

ности как частного из социальной истории как общего и тем самым распространение логики исторического развития на логику развития преступности или же, напротив, эволюция преступности, определяемая изменениями самой преступности и будучи самостоятельным феноменом, должна быть вписана в общий исторический контекст, должен ли историк преступности быть прежде всего историком, думать и действовать как историк или же он в первую очередь юрист, размышляющий в категориях криминологии и права. На все эти вопросы едва ли можно ответить однозначно. Более того, их решение напрямую определяется пониманием природы самой преступности (является она онтологической реальностью или конструктом, определяется она прежде всего общественными или личными факторами и т.д.) и представлениями об историческом процессе (является он всемирным или локальным, направленным или циклическим и т.д.). Очевидно, что непротиворечивое сочетание различных исходных методологических установок может приводить к допустимому плюрализму теоретических построений, объясняющих прошлое, настоящее и будущее преступности.

Отмеченные сложности тем не менее не должны восприниматься как непреодолимые. Напротив, бросая вызов криминологической науке, они, как любые препятствия, призваны стимулировать научный поиск ответа на вопрос о том, что происходило, происходит и будет происходить с преступностью.

Задачи исследования

Изучение преступности не просто как развивающегося феномена, но в парадигмальной рамке процесса, в единстве ее прошлого, настоящего и будущего⁴ с необходимостью предполагает соотнесение логики этого процесса с общей логикой истории. Ее выявление, конструирование, понимание и интерпретация составляют поле пересечения предметных интересов философии и истории, а именно философии истории, которая выступает в качестве «дисциплины,

² Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

³ Богомолова М. А. Становление философской концепции постмодернизма // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 336–337.

⁴ См.: Бабаев М. М. Преступность как процесс (теоретические и прикладные проблемы изучения) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 291–303.

способной рефлексировать прошлое, постигать настоящее и проецировать будущее»⁵.

Вопрос о смысле, направленности и закономерностях исторического процесса архисложный даже для специалистов (историков и философов). Его решение, а точнее, решения (во множественном числе!) составляют широчайший спектр самых разных, взаимодополняющих и взаимоисключающих, идеалистических и материалистических, линейных и циклических, одно- и многофакторных теоретических построений. Погрузиться в каждое из них при проведении криминологического исследования преступности и вряд ли возможно, и едва ли необходимо.

Представляется, что криминологу (по крайней мере на данном этапе осмысления темы взаимосвязи истории и преступности) достаточно иметь представление хотя бы о некоторых основных концепциях философии истории. А если точнее, не столько о самих историософских построениях, сколько о диктуемом ими подходе к пониманию истории преступности.

Нельзя сказать, что вопрос этот прошел совершенно мимо внимания исследователей. Некоторое (пусть и не всегда специальное) внимание ему уделяли как представители криминологической науки, так и философы. В связи с этим мы видим своей задачей при подготовке настоящей работы прежде всего проведение обзора имеющегося опыта криминологического осмысления проблемы преступности в контексте философии истории.

Обзор этот будет кратким и заведомо неполным, а включенные в него концепции — субъективно отобранными. Причина тому — новизна заявленной темы, не позволяющая опереться на обобщающие и систематические работы предшественников, а равно ее сложность и многоаспектность, исключающая для нас возможность одномоментного представления в рамках одного исследования полномасштабного полотна, раскрывающего все грани темы. Тем не менее при составлении этого

обзора были по возможности учтены высказанные выше методологические соображения, касающиеся связи понимания преступности и смысла истории, что позволило представить концепции, расположенные в самых разных частях историко-философского и криминологического спектра. Сами концепции, исходя из их содержания, удобно объединить в несколько типологических групп.

Обзор концептуальных построений: от философии истории к истории преступности

1. Линейная история преступности как преходящего социального явления

В рамках данного подхода целесообразно представить такие, казалось бы, несовместимые теоретические построения, как теология и марксизм. При всех известных фундаментальных различиях объединяет их одно: понимание преступности как явления временного, возникшего на определенном этапе развития человеческого общества. Причины преступности, понимаемые идеалистически или материалистически, своим содержанием коренятся в прошлом, их наличие и действие определено преемственностью исторического процесса, отражает детерминированность настоящего прошлым. Вместе с тем причины преступности не являются вечными, они могут или должны быть преодолены в исторической перспективе. Вместе с их исчезновением исчезнет и преступность. При этом ее «нулевое будущее» зависит не только от фундаментальных факторов исторического процесса, но и от правильно устроенного «криминологического настоящего», предполагающего ориентацию на минимизацию и устранение причин преступности как общего процесса построения светлого будущего.

А. Теологическая концепция

Теологическая концепция общественно-исторического процесса⁶ исходит из того, что происходящее в мире есть реализация замысла

⁵ Адуло Т. И. Философия истории как рефлексирование прошлого, постижение настоящего и проецирование будущего // Культура. Наука. Творчество : сборник научных статей XVI Международной научно-практической конференции (Минск, 12 мая 2022 г.) / отв. ред. Н. В. Карчевская. Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2022. С. 14.

⁶ Мы говорим в данном случае о концепции в единственном числе, сознавая, что существует множество подходов к теологической интерпретации истории. Однако в рамках нашего исследования различающимся множеством допустимо пренебречь, представив некоторые положения православной христианской историософии, по крайней мере так, как она (не исключено, поверхностно) представляется авторам.

Творца, предоставившего человеку, в том числе для реализации этого замысла, свободу воли. История в христианской традиции: а) всегда общечеловеческая, всемирная, единая для всех народов и цивилизаций; б) линейная, направленная от сотворения мира к его концу и установлению Царства Божьего; в) дуалистическая, основанная на противопоставлении духовного и мирского, божественного и дьявольского⁷.

История человеческого общества начинается с грехопадения. Смысл же земной истории — и личной истории отдельного человека, и истории человечества в целом — состоит в том, чтобы противостоять греху, понять и приблизиться к замыслу Творца. Среди множества возможностей для этого — жизнь в государственно устроенном обществе, управляемом, среди прочего, правом. Согласно Основам социальной концепции Русской православной церкви⁸, государство и право есть установленные людьми богособразные средства, при помощи которых они должны противостоять греху, способствуя достижению цели исторического процесса — построению Царства Божьего.

В силу природы человека процесс этот не является простым. «В зависимости от самоопределения свободной личности образ Божий в человеке может помрачаться или проявляться с большей силой. <...> Результат напрямую зависит от самоопределения личности». Проявлением свободной воли человека, свободно отошедшего от своего божественного начала, могут выступать преступные деяния. «Человеческая греховность порождает преступления — нарушения границ, положенных законом. <...> Главным источником преступления является помраченное состояние человеческой души. Вместе с тем “подчас преступности способствуют экономические и социальные обстоятельства, слабость государственной власти, отсутствие законного порядка. <...> Наконец, сама власть, совершая противозаконные действия, может становиться правонарушителем”».

Противодействие преступлениям и исправление преступников — часть общей работы по

духовному очищению человека, по избавлению его от греха и тем самым подготовке к историческому финалу. «Совершенное и осужденное по закону преступление предполагает справедливое наказание. Смысл его состоит в исправлении человека, нарушившего закон, а также в ограждении общества от преступника и в пресечении его противоправной деятельности». «Однако самым действенным в преодолении преступности призвано быть пастырское служение Церкви, особенно в Таинстве Покаяния. Любому, кто кается в совершенном правонарушении, в качестве неперемennого условия разрешения от греха священник должен решительно предложить отказаться пред Лицом Божиим от продолжения преступной деятельности. Только таким образом человек будет побужден оставить путь беззакония и вернуться к добродетельной жизни».

Таким образом, теологическая концепция истории и социального порядка позволяет утверждать, что:

— преступность является частью исключительно земной жизни человека и общества; ее не существовало до грехопадения и ее наличие не предполагается в Царстве Божьем. Иными словами, она есть исторически преходящее явление, имеющее свое начало и конец, строго ограниченные временные рамки;

— земная история преступности не стабильна и имеет свою динамику. С. М. Иншаков пишет: «В мире существуют два полюса: плюс и минус, добро и зло, бог и антибог. Вокруг первого полюса группируются светлые личности (силы добра), вокруг второго — темные (силы зла). Абсолютное большинство людей занимают промежуточное положение. В определенные периоды (золотой век) большая часть людей смещается к полюсу добра. Бывают и противоположные исторические эпохи (сумерки богов), когда словно темный ветер гонит людей к полюсу зла»⁹. Именно эти колебания «степени греховности» общества и влияют на изменения масштабов преступности во времени;

— преступность детерминруется прежде всего личными качествами человека, погряз-

⁷ Гринин Л. Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 3 : Средневековая теология, теория истории и историография. Западная Европа. Лекция 4 : Философско-историческая мысль в Средние века. Византия, Русь, Арабский мир, Китай // Философия и общество. 2010. № 2 (58). С. 151–192.

⁸ Здесь и далее см.: Основы социальной концепции Русской православной церкви (приняты Освященным архиерейским собором Русской православной церкви 13–16 августа 2000 г.) (п. II.1, III.1, III.2, IV.2, IX.1, IX.3, IX.4) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.07.2023).

⁹ Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. С. 17–18.

шего в грехе, а также неблагоприятными социальными обстоятельствами, которые, в свою очередь, есть также отступление от замысла Творца. Однако все эти криминогенные факторы преходящи. Они исчезнут в момент второго пришествия;

— преступление и грех хотя и имеют различную природу, но тесно взаимосвязаны. По мнению некоторых исследователей, грех и преступление можно соотнести, с одной стороны, как внутреннюю причину и внешнее следствие, а с другой стороны, как целое и часть, учитывая, что «каждое предусмотренное в УК РФ преступление относится к области греховного, т.е. является личным грехом»¹⁰. Однако не каждый грешник есть с необходимостью преступник, равно как и не всякого преступника с необходимостью ждет судьба грешника. Следовательно, в глобальном всемирно-историческом отношении будущее преступников не предопределено, и они имеют все шансы как на искупление, так и на Царство Божье.

Б. Марксистская концепция

Марксистская интерпретация исторического процесса, на протяжении многих десятилетий признаваемая отечественной наукой единственно верной, не ушла с авансцены философии истории и остается достаточно популярной. Как и христианство, исторический материализм признает наличие единого, всемирного процесса развития человеческих сообществ. Вместе с тем основная движущая сила истории и общественного развития понимается им подчеркнута материалистически. В качестве таковой выступает развитие производительных сил (базиса), которые стимулируют процессы изменения общественного сознания и надстройки. История при этом протекает стадийно и направленно — от догосударственной стадии к государственно устроенной, а внутри нее — от классово-антагонистических обществ (от рабовладения через феодализм к капитализму) до обществ бесклассовых (коммунизм); причем смена этапов (формаций) происходит через революционные преобразования.

Государство и право, а вместе с ними и преступность как массовое нарушение госу-

дарственно установленных законов, являются с точки зрения марксистской концепции преходящими явлениями, возникшими на определенном этапе развития общества и неизбежно обязанными исчезнуть. «Основная историческая причина преступности — классовое и социальное расслоение общества, господство общественных отношений, построенных на эксплуатации, неравенстве, угнетении, благополучии меньшинства за счет большинства». И далее: «Преступность — порождение классово-антагонистических отношений. Она возникает с разделением общества на классы как результат противоречий между индивидуальными интересами и потребностями людей и общественными условиями, не обеспечивающими эти потребности и интересы. Указанное противоречие — неизбежное следствие организации общества, при которой орудия и средства производства находятся в руках незначительного меньшинства, обладающего тем самым экономической силой и опирающейся на нее политической властью»¹¹.

В противоположность классово-антагонистическим сообществам, сообщество коммунистическое лишено этой главной социальной причины преступности, а следовательно, мыслится как общество, лишенное ее. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство»¹².

¹⁰ Голубов И. И., Денисенко М. В. Некоторые аспекты соотношения греха и преступления // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 4. С. 145, 146.

¹¹ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / Г. В. Дашков, А. И. Долгова, И. И. Карпец [и др.]. М. : Юридическая литература, 1985. С. 214, 215.

¹² Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений : в 33 т. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 91.

Мысль об отмирании преступности по мере приближения к коммунистическому общественному идеалу утвердилась в советской криминологии в качестве догмы. «Социализм, построенный в нашей стране, — писал А. А. Герцензон, — устранил... главную, коренную социальную причину преступности. В СССР, таким образом, имеются реальные, объективные условия для искоренения преступности, поскольку в самой природе социализма, в его экономическом базисе и в его надстройке нет оснований для существования преступности»¹³.

Тем не менее объективная реальность существования («временного») преступности при социализме требовала объяснений. В полном соответствии с марксистским учением о соотношении базиса и надстройки, преемственности исторического процесса и закономерностях революционного переустройства ответ был найден.

Преступность в социалистическом обществе (за исключением преступности антигосударственной, которая является «выражением борьбы лагеря империализма со странами социалистического содружества» и существование которой остается «неизбежным до победы социализма в главных империалистических государствах»¹⁴) прямо объявлялась результатом сохранения «пережитков прошлого» в обновляющемся советском социуме.

«В отличие от эксплуататорского общества преступность не присуща социалистическому строю. Она существует лишь постольку, поскольку при социализме — этой переходной от капитализма к коммунизму фазе — сохраняются остатки досоциалистического прошлого», утверждал А. А. Герцензон¹⁵. «На состояние и динамику преступности оказывают воздействие некоторые устойчивые негативные явления, оставшиеся от старого общества: отсутствие привычки к организованности и сознательной дисциплине, элементы анархии и социального разложения, мещанство, алкоголизм»¹⁶. «Хотя существование преступности и связано с некоторыми особенностями общественных

отношений в социалистическом обществе, но, во-первых, эти особенности есть проявление незавершенности исторического процесса перехода к высшей стадии общественного развития — коммунизму, во-вторых, они не выражают сущности новой формации, а наоборот, временны и преходящи, и в-третьих, возникновение на почве подобных условий индивидуалистических взглядов и побуждений — не органическое и неизбежное, а лишь побочное и возможное их следствие»¹⁷.

Таким образом, марксистская концепция дает основание утверждать:

— Преступность есть не просто исторически изменчивый, но собственно исторический феномен, который возникает с момента возникновения государства и права в классово-антагонистическом обществе и должен исчезнуть в коммунистическом бесклассовом и неантагонистическом социуме.

— Причины преступности, как и сама преступность, носят социальный и (или) социально-психологический характер и являют собой «пережитки прошлого», историческое наследие, доставшееся обществу от предшествующих эпох, которые будут преодолены по мере продвижения к коммунизму.

— Будущее преступности предопределено. Она должна исчезнуть (вместе с правом и государством), как только во всемирно-исторической перспективе бесклассовое общество будет построено в каждом государстве.

2. Циклическая и маятниковая история преступности как вечного социального явления

Концепции линейной истории, прямо или косвенно подразумевающие наличие в ней идеи прогрессивного развития общества, противостоят философским построениям, основанным на понимании истории как циклического, или маятникового, процесса. Такое представление об истории, в отличие от теологических и марксистских построений, не предполагает с необходимостью, что все народы мира, все со-

¹³ Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М. : Юридическая литература, 1965. С. 6–7.

¹⁴ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во МГУ, 1968. С. 211.

¹⁵ Советская криминология / А. А. Герцензон, В. К. Звирбуль, И. И. Карпец [и др.]. М. : Юридическая литература, 1966. С. 62.

¹⁶ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. С. 185.

¹⁷ Сахаров А. Б. Методологические вопросы изучения социальной обусловленности преступности // Влияние социальных условий на преступность : сборник научных трудов. М. : Институт Прокуратуры СССР, 1983. С. 18.

общества людей и государства имеют единую, общую для всех историю. Всемирная история здесь может пониматься и как единый процесс, и как множество развивающихся локальных, цивилизационных процессов. При этом история каждой отдельной цивилизации может повторять общую для всех схему, а может быть и уникальной. Эти нюансы понимания истории важны для обсуждения вопроса о наличии или отсутствии специфических закономерностей развития преступности в каждом отдельном государстве. Однако для понимания логики собственно истории преступности ими можно в некоторой степени пренебречь.

Важнее подчеркнуть, что циклический, или маятниковый, исторический процесс не имеет своей финальной точки. В его рамках история общества, а вслед за ней и история преступности мыслится как непрерывный и вечный процесс изменений, логика которых состоит в последовательном переживании (смене) определенных фаз (состояний), содержание которых задано степенью воплощения одной из двух противоположных по своей сути идей. В отличие от марксизма, делавшего ставку на материалистическое понимание движущих сил истории, здесь (как и в теологических построениях) во главу угла ставится нематериальный фактор, фактор культуры, но в отличие от последних идеи, движущие миром, не связаны исключительно с богом и понимаются диалектически. «Исторические повороты, — пишет И. В. Кондаков, — бывают вызваны какими-то тектоническими “толчками”, происходящими в ментальной сфере, что связано с обострениями ключевых проблем исторического развития, требующими принятия радикальных решений, способных переломить проблемную ситуацию и привести к обновлению социокультурной среды»¹⁸. Научой предложены различные варианты понимания полюсов «маятника истории». Некоторые философы усматривают логику истории во взаимодействии и чередовании культурных механизмов конструктив-

ной напряженности: инверсии и медиации¹⁹; А. А. Ирвин утверждает, что история движется между двумя полюсами, одним из которых является коллективистическое общество, другим — индивидуалистическое общество²⁰.

Особое влияние в рамках рассматриваемых теоретических построений имеет концепция П. А. Сорокина, в рамках которой человеческая история истолковывается как последовательная смена трех типов культур: чувственной (для которой характерны материализм, детерминизм, господство материальных ценностей, релятивизм этих ценностей и т.д.), идеациональной (с присущими ей идеализмом, инде-терминизмом, господством духовных и абсолютных ценностей и т.д.), идеалистической (гармонично сочетающей оба предыдущих типа культуры)²¹.

Преступления существуют в рамках каждого типа культуры. При этом ни одно деяние, по П. А. Сорокину, не является преступлением в силу своей онтологической природы, оно приобретает таковой статус, только будучи опосредованным сознанием некоторой группы людей. «“Преступным” будет и может быть тот или иной акт не сам по себе, а лишь в том случае, когда в психическом переживании кого-нибудь он квалифицируется как преступный»²². Эти «психические переживания» определяются, среди прочего, господствующим типом культуры. В рамках идеациональной культуры большинство криминализированных деяний носят идеациональный характер, то есть являются действиями, оскверняющими идеациональные (абсолютные, высшие) ценности (большую часть таких преступлений составляют преступления против религии и нравственных принципов). Соответственно, в чувственной форме культуры уголовно наказуемыми считаются те деяния, которые представляются опасными для общества или для властей поддерживающих с позиций утилитаризма, гедонизма, эвдемонизма. При этом в целом идеациональное уголовное право стремится быть

¹⁸ Кондаков И. В. К современной философии истории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4/2. С. 222.

¹⁹ Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М. : Языки русской культуры, 1998 ; Кондаков И. В. Указ. соч. С. 221–230.

²⁰ Ирвин А. А. Философия истории. М. : Гардарики, 2000.

²¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006.

²² Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда : социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. С. 153.

значительно более суровым и строгим, чем чувственное уголовное право²³.

История преступности в рамках теоретических построений П. А. Сорокина может мыслиться как история последовательной смены одобряемых официальной культурой шаблонов поведения, которая происходит через их неизбежный конфликт по мере смены самих типов культур, со столь же неизбежным повышением уровня преступности в период такой смены. Процесс смены шаблонов поведения сам по себе является достаточно болезненным для социального организма и в глобальном масштабе означает определенный кризис. Всякий общественный кризис неизбежно должен сопровождаться и повышением преступлений, причем с точки зрения обеих борющихся сторон, держащихся старых и новых шаблонов поведения. С точки зрения правительственной преступление будут расти потому, что разразившийся кризис означает рост противоправных деяний, нарушающих нормы, охраняемые уголовным законом. С точки же зрения другой борющейся стороны преступления тоже повысятся, так как теперь с ее точки зрения поведение представителей власти и лиц, держащихся «старого порядка», начинает квалифицироваться в качестве преступного²⁴. Однако после этой смены культурных шаблонов, после того как новый шаблон будет более или менее утвержден и распространен, преступность столь же неизбежно пойдет на спад. Таким образом, не существует единой и раз навсегда данной тенденции развития преступности. Закономерность ее исторической динамики состоит в наличии самой динамики, постоянном движении в соответствии с изменениями общества и культуры.

3. Линейная история преступности как вечного социального явления

В противовес теологии и марксизму, конструирующим однофакторный механизм исторического процесса, и одновременно в противовес циклическим трактовкам истории, исключающим линейную ее направленность, в современной науке весьма распространен подход, в рамках которого признается значимость влияния

множества факторов на исторический процесс, хотя и не формулируются четко цель и смысл исторического процесса. Суть плюралистического подхода состоит в том, что «исторический процесс объявляется результатом параллельного и равнозначного воздействия многих факторов: экономического, политического, идейного, психологического, биологического и т.п., из которых ни один не является определяющим, хотя в зависимости от исторических условий один из них может выйти временно на передний план, потеснив остальные»²⁵.

Такое понимание истории вполне согласуется с представлениями о вечном характере преступности и многофакторном характере ее причинного комплекса. Тезисы об отмирании преступности по мере приближения конца света или коммунизма в настоящий момент не пользуются особой популярностью в криминологической литературе. Едва ли не единственно верной признается мысль о том, что преступность — вечное социальное явление, постоянный спутник человечества, от которого оно никогда не избавится. При этом на преступность столь же вечно влияет целостный комплекс детерминирующих факторов, типологически связанных с факторами исторического процесса.

Эта криминологическая парадигма (надо признать, вполне обоснованная) задает особый характер взаимосвязи истории общества и преступности. Парадоксальным образом признание исторической вечности преступности делает саму преступность внеисторической, разрывая методологическую связь между философией истории и историей преступности. Ведь как бы ни понимался смысл истории человеческого общества, преступность в ней будет представлена всегда. Она, таким образом, не зависит от логики исторического процесса, подчиняясь собственным законам развития. Ее история приобретает самостоятельный характер и собственную логику.

«Преступность в истории человечества, — пишут Ю. М. Антонян и О. Ю. Звизжова, — можно представить в виде змеи, которая движется не строго прямо, а извилистым и сложным путем. С одной стороны, она остро и живо реагирует на изменения социальной среды, представления людей и их требования, характер их

²³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 542–545.

²⁴ Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. С. 468.

²⁵ Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М. : Современные тетради, 2003. С. 442.

сотрудничества или вражды для того, чтобы защитить чьи-то эгоистические или иные аморальные интересы либо предотвратить угрозу. С другой стороны, преступность твердо и неизменно идет вперед, несмотря на все преграды, которые ей ставят общество, государство и отдельные люди»²⁶.

Преступность, ввиду внеисторического характера ее детерминант (стремление людей, недовольных своим статусом и положением, изменить его) и мотивации, наделяется свойством «временного единства», «меняются главным образом конкретные жизненные ситуации при совершении преступлений, способы реализации мотивов, а также орудия, используемые при этом»²⁷.

Вечность преступности, разумеется, не означает ее неизменности. Она меняется, но ее изменения определяются не логикой исторического процесса, а социальными изменениями, направленность и содержание которых могут быть совершенно любыми. Источник истории общества и источник истории преступности находятся при таком подходе в разных точках, не совпадают. Отсюда хотя и взаимосвязанное, но самостоятельное, параллельное развитие, с одной стороны, общества в целом, с другой стороны, преступности в нем. При таком подходе криминология может строить концепцию понимания и профилактики преступности в рамках любой историческо-социологической концепции, а может и вполне обойтись без какой бы то ни было философии истории.

Преступность здесь по большей части объясняется «настоящим» и исследуется как «настоящее». Прошлые преступления объясняются ее историей, будущее — ее прогнозом. И хотя прошлое, настоящее и будущее преступности определяется корреспондирующим им прошлым, настоящим и будущим социума, связь между прошлым, настоящим и будущим самой преступности оказывается весьма своеобразной.

Ю. М. Антонян, в частности, предлагает выделять в структуре преступности ее ядро и периферию. «Всегда сохраняется группа деяний (убийства, кражи, изнасилования, разбои и некоторые другие), которые во всех обществах признаются преступлениями, — это и

есть ядро преступности. Наличие такого ядра... свидетельствует о вечности преступности. Наряду с ядром, имеется ее периферийная часть, которая обладает тоже вечным свойством: она постоянно меняется»²⁸. Таким образом, «ядро» обеспечивает неизменное единство прошлого, настоящего и будущего преступности, а «периферия» — ее изменения в ответ на особенности конкретно-исторического момента.

О постмодернизме и ответе на его вызов

Логика исторического процесса, обоснованная описанными выше масштабными историческими построениями, оказалась подорванной, а в некотором смысле и низвергнутой особенностями современной эпохи, характеризующейся непредсказуемыми и порой необъяснимыми изменениями социальной динамики. С одной стороны, это актуализирует проблему поиска универсальной концепции философии истории, объясняющей в новых условиях смысл исторического процесса, а с другой — создает существенные препятствия в ее построении, которые к настоящему моменту не могут считаться преодоленными. По большому счету, в историко-философской литературе можно констатировать определенный вакуум новых созидательных, смыслоутверждающих идей и концепций или, по выражению С. А. Колесникова, «методологический штиль»²⁹.

С «падением» исторического материализма, пишет Т. И. Адуло, «социальная философия не закрепила за собой статуса научной дисциплины, способной обеспечивать теоретическое осмысление человеческой истории, а социология на постсоветском пространстве не достигла уровня философии истории, хотя и заявила о своей претензии на эту миссию»; «социальная философия в современном ее виде не только не выступает в качестве надежной философско-теоретической базы теоретического осмысления и прогнозирования социальных процессов, но и не выполняет свою главную функцию — не выступает в качестве систематизатора и координатора социальных и гуманитарных наук в целом, т.е. не выполняет ту функцию, которую

²⁶ Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества. М. : Норма, Инфра-М, 2012. С. 8.

²⁷ Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Указ. соч. С. 22.

²⁸ Причины преступности в России / под ред. Ю. М. Антоняна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. С. 20–21.

²⁹ Колесников С. А. Перспективы теологического историзма: разрешение неопределенности и вызовы противостояния // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 73.

в свое время выполнял исторический материализм»³⁰.

«В XX веке, — отмечает Ю. Н. Харари, — мировые элиты в Берлине, Москве, Нью-Йорке и Лондоне предложили три грандиозные концепции, призванные объяснить прошлое и предсказать будущее всего мира. Это фашистская концепция, коммунистическая концепция и либеральная концепция. <...> В 1938 году человечество могло выбирать из трех глобальных проектов; в 1968-м — из двух; в 1998-м казалось, что восторжествовал один из них, и вот к 2018-му мы остались ни с чем. <...> Жить с единственной концепцией очень удобно: всё абсолютно ясно. А вот остаться совсем без концепции страшно — всё кажется бессмысленным»³¹. При отсутствии альтернативной теории для объяснения реальности «будущее проходит мимо».

Крушение универалистских теоретических концепций происходит на фоне активного развития различного рода теорий, восходящих к философии постмодерна. Не останавливаясь подробно на распутывании сложного клубка постмодернистских построений истории, отметим главное в этом философском подходе: история не является неуклонным поступательным движением; направленности истории и какой бы то ни было логики исторического процесса не существует; история — это всегда становление настоящего, которое только и является реальностью; прошлое есть всего лишь нагромождение фактов, но никак не процесс; смысл исторической науки не в том, чтобы объяснить прошлое, а в том, чтобы дать такую интерпретацию прошлых событий, которая была бы политически целесообразной для конструирования настоящего³².

Отсутствие четких представлений о смысле истории, в том числе и сомнения в наличии самого этого смысла, способно лишить рассуждения об истории преступности историософской основы, которая позволила бы не только связать воедино историю всех социальных процессов (включая криминогенные и криминальные), но и понять логику, направленность и закономерности их развития. В такой сложной

методологической ситуации история преступности (с ее прошлым, настоящим и будущим) не «выводится» содержательно из общей истории социума, а сама история общества представляется всего лишь хронологией определенных событий, которые выступают фоном для развития преступности. Преступность приобретает собственную логику, интерпретация которой подчиняется уже не историософской традиции, а исключительно криминологическим истолкованиям самого феномена преступности. Отсюда вполне закономерным видится то обстоятельство, что логика преступности становится объектом исследования прежде всего криминологов.

При этом постмодернистская деконструкция затронула не только вопросы смысла истории, но и вопросы понимания преступности. Главное, в чем это проявилось, — это лишение преступности ее онтологического статуса как социального явления.

Внушительный массив криминологических концепций, отвергающих онтологическую реальность преступности, не нашел прочной почвы и последователей в российской криминологической науке. Тем не менее на две такие концепции следует обратить внимание как минимум по причине их распространенности и авторитета разработчиков.

Первая — это теория социального конструирования преступности. Ее активным сторонником в России следует признать Я. И. Гилинского, который последовательно утверждает: «В реальной действительности нет объекта, который был бы “преступностью” (или “преступлением”) по своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis*, *per se*. Преступление и преступность — понятия релятивные (относительные), конвенциональные (“договорные”: как “договорятся” законодатели), они суть социальные конструкты, лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии»³³. Преступность в концепции автора — один из множества видов девиантного поведения, формальные границы которого очерчены законом, принятым группой лиц, наделенных властью.

³⁰ Адуло Т. И. Указ. соч. С. 15, 16.

³¹ Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2021. С. 19, 22.

³² См. подробнее: Бибикова Л. В. Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 59–72 ; Гусева И. И. Историческая реальность в свете постмодернистского «вызова» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 9. С. 69–73.

³³ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2009. С. 37.

Отсюда «преступность есть порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть»³⁴.

Вторая, так называемая семантическая, концепция преступности обоснована Д. А. Шестаковым. В ее рамках четко противопоставляются «преступное множество» как совокупность совершенных в стране преступлений и собственно преступность как «свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов»³⁵.

В границах этих теоретических построений может быть представлен свой собственный взгляд на историю преступности, который хотя и не аргументирован разработчиками непосредственно, но вполне логично вытекает из авторских рассуждений и косвенно подтверждается их анализом.

В частности, история преступности как результата конструирующей политики власти допустимо может быть представлена как история криминализации общественно опасных (или не опасных) деяний. А в семантической концепции история преступности должна мыслиться как история возникновения, развития, изменения преступного свойства (или свойств) у человека или социальных институтов³⁶.

Однако в первом случае история преступности становится неотличимой от истории уголовной политики, которая закономерно воспринимается как неотъемлемая часть истории политики вообще (политической борьбы, смены правящих элит и т.п.). Во втором случае история преступности подменяется историей социализации или историей отдельных форм социальной организации жизни человека.

При любом подходе преступность, лишенная онтологического статуса, по сути, лишается собственной логики развития, растворяясь в закономерностях или хаосе политических или социальных процессов, наделяясь логикой субъектов, интерпретирующих саму преступность. Прошлые преступности становятся неактуальными, а будущее — неизвестным. Значение приобретает только ее настоящее, которое выводится из социально-политического настоящего.

Важнейшая особенность такого подхода — субъективно избираемое исследователем либо лишение истории преступности (вслед или на фоне истории общества) какого-либо смысла и логики, либо использование исторических и криминологических фактов для оправдания, поддержки той цели общественного и политического развития, которая сейчас, в данный момент представляется субъективно значимой. В последнем случае важно, что, в отличие от телеологии истории эпохи модерна, когда цель истории или задавалась «извне», или объявлялась имманентной обществу, объективной и закономерной установкой его развития, постмодернистская телеология истории способна обосновать целью едва ли не любое стремление тех людей и социальных групп, которые в настоящем располагают властным и иным ресурсом для «управления историей». Задолго до постмодернизма Х. Арендт показала, что за пределами теологии попытки заполнить смысловой вакуум истории опирались на представление об истории исключительно как процессе, смысл которому придает любая произвольная цель, способная оправдать любые поступки для ее достижения³⁷.

Строго говоря, именно в таких рамках, как нам представляется, и развивается объяснение преступности современной наукой, безотносительно к тому, как криминологи формулируют свое отношение к постмодернизму.

Здесь возможно два основных подхода.

³⁴ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. С. 42.

³⁵ Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. С. 136.

³⁶ Однако, видимо, неуловимость самого этого свойства обусловила тот факт, что Д. А. Шестаков в параграфе, который называется «История преступности в России», ведет рассуждения не об истории преступности в заявленном им понимании, а об истории преступного множества, ссылаясь на многочисленные статистические данные о числе зарегистрированных и иных преступлений.

³⁷ См. об этом: Аникина А. Б. Логика исторического процесса: ее конструирование и саморазрушение // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 1. С. 83–93.

Первый состоит в том, что, отказывая истории в наличии каких-либо закономерностей и признавая смыслом истории повседневную практику субъектов, создающих эту историю³⁸, мы можем воспринимать преступность как «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовно-правового запрета»³⁹, как неизбежную часть «повседневности»⁴⁰. В этом случае допустимы в принципе любые теории детерминации преступности, от биологических до космических, и, соответственно, любые программы противодействия ей, от проектов социального инжиниринга до массовой декриминализации. История преступности здесь будет восприниматься как отвлеченный набор статистических данных, а актуальная преступность — объясняться текущим состоянием общества, его экономических, политических, культурных и прочих характеристик. Налицо разрыв между прошлым и будущим и сосредоточенность на исследовании исключительно преступности как настоящего.

Второй подход более сложный. Основываясь опять же на методологическом разрыве между прошлым и будущим, он позволяет рассматривать преступность как явление настоящего, препятствующее достижению официально признанной в современных условиях цели общественного развития. Это позволяет более или менее органично, но всё же субъективно связать историко-криминологические факты, на их основе создать концепцию исторического понимания и объяснения преступности, которая может служить основой для принятия современных уголовно-политических решений, которые, в свою очередь, являются частью более широкого процесса исторической легитимации современного политического и государственного курса.

Для иллюстрации возможностей данного подхода можно обратиться к двум сформировавшимся на волне постмодерна концепциям истории. Первая — возникшая в европейской науке концепция исторического обоснования

единства Европы⁴¹, вторая — официально признанная в России концепция отечественной истории, в рамках которой суть исторического процесса сводится к «совокупности усилий многих поколений россиян», «непрерывному процессу обретения национальной идентичности», «непрерывному процессу становления и развития российской государственности, формирования государственной территории и единого многонационального российского народа, а также его основных символов и ценностей»⁴².

Таким пониманием смысла истории общества вполне можно наделить и историю преступности. В первом случае допустимо анализировать преступность в контексте развития межгосударственных интеграционных процессов (шире — в контексте глобализации): выявлять криминогенные и антикриминогенные свойства глобализации, выделять в структуре преступности национальный, трансграничный и глобализационный компоненты, смотреть на преступность как на столкновение культур и цивилизаций и т.д. Во втором случае мыслимым будет взгляд на преступность как на попытку отдельных лиц или групп подорвать национальную идентичность страны (что позволит связать воедино средневековых еретиков и иноагентов) и противодействовать развитию российской государственности (что поставит в один ряд польских интервентов начала XVII в. и современных шпионов, князя Курбского и лиц, неоднократно нарушающих правила проведения митингов).

Относительно произвольно конструируемый смысл истории общества, как видим, задает столь же произвольно моделируемый взгляд на преступность, ее природу, направленность и динамику развития.

Заключение

Представленный обзор научных подходов к пониманию логики исторического развития пре-

³⁸ См. об этом: Сопов В. В., Ярославцева А. В. Предмет истории и смысл исторического познания // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2022. № 3 (21). С. 86–99.

³⁹ Преступность, ее виды и проблемы / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 17.

⁴⁰ Гилинский Я. И. Преступность как повседневность // *Телескоп*. 2019. № 1 (133). С. 24–26.

⁴¹ См.: Бибикова Л. В. Указ. соч. С. 68–69.

⁴² См.: Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // URL: https://mosmetod.ru/files/metod/srednyaya_starshaya/istor/Koncepcia_final.pdf (дата обращения: 16.07.2023).

ступности в контексте некоторых историософских концепций, на первый взгляд, приводит к неутешительному выводу о том, что часть таких концепций (прежде всего линейного однофакторного развития) не может служить основой для современных рассуждений на заявленную тему, будучи дискредитированными практикой и опровергнутыми временем, другая часть (прежде всего постмодернистские) обезоруживает исследователей своей деконструктивной логикой. Наделенные же определенным смыслом и логикой, лишенные эсхатологизма циклические концепции, хотя и проникают в ткань криминологических сочинений, остаются по большей части на периферии философии истории и востребованы главным образом как часть литературного наследия, но не как основа для социальной практики.

В таких условиях рассуждения о преступности как о процессе, интегрирующем прошлое, настоящее и будущее, становятся крайне затруднительными, особенно принимая во внимание имеющуюся, но сознательно оставленную за рамками настоящей работы неопределенность понимания самого настоящего, прошлого и будущего.

И тем не менее эти трудности необходимо преодолеть. Как ни странно это прозвучит, но вызов, брошенный философии истории постмодерном, может быть преодолен на основе возможностей самого постмодерна, допускающего плюралистическое истолкование смысла истории и столь же плюралистическое истолкование преступности. История преступности, по

всей видимости, должна мыслиться сегодня во множественном числе — как ее истории. Преступность как процесс в данном случае есть одновременно часть и процесса борьбы за власть, и процесса экономического развития, и процесса обретения национальной идентичности, и процесса секуляризации культуры, и процесса построения правового государства, и многих иных процессов, протекающих в обществе. Каждый из этих процессов подчиняется собственной логике, и вместе с тем все они связаны между собой. Поиск и обретение этого связующего звена и есть, собственно, обретение смысла истории общества и преступности как его части. Но смысл не может быть единым. В разные времена и у разных людей он разный, предопределенный прежде всего мировоззренческими установками⁴³. Более того, современная философия фактически отказывает истории в трансцендентном смысле. «Если нет изначально заданного направления у истории, то, значит, мы сами можем задавать ей и самим себе то или иное направление движения, которое мы хотели бы осуществить, а если нет трансцендентной цели истории, то мы сами можем выдвигать и пытаться реализовать те или иные промежуточные исторические цели»⁴⁴. Отсюда процессуальная парадигма понимания преступности с неизбежностью распадается на множество концептуальных построений, которое (множество) только и способно охватить собой многоаспектные связи прошлого, настоящего и будущего преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адуло Т. И. Философия истории как рефлексирование прошлого, постижение настоящего и проецирование будущего // Культура. Наука. Творчество : сборник научных статей XVI Международной научно-практической конференции (Минск, 12 мая 2022 г.) / отв. ред. Н. В. Карчевская. Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2022. С. 13–17.

Алферов А. А. Проблема смысла истории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. № 6А. С. 71–77.

Аникина А. Б. Логика исторического процесса: ее конструирование и саморазрушение // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 1. С. 83–93.

Антонян Ю. М. Основные черты преступности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2022. № 2. С. 89–99.

Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 208 с.

⁴³ См. об этом: Личман Б. В. Мировоззрение современной интерпретации истории: смысл истории или смысл в истории // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 9–11.

⁴⁴ Алферов А. А. Проблема смысла истории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. № 6А. С. 71.

- Бабаев М. М. Преступность как процесс (теоретические и прикладные проблемы изучения) // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 291–303.
- Бибикова Л. В. Постмодернизм и ценностный кризис европейской исторической науки // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 59–72.
- Богомолова М. А. Становление философской концепции постмодернизма // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 335–342.
- Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М. : Юридическая литература, 1965. 227 с.
- Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2009. 504 с.
- Гилинский Я. И. Преступность как повседневность // Телескоп. 2019. № 1 (133). С. 24–26.
- Голубов И. И., Денисенко М. В. Некоторые аспекты соотношения греха и преступления // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 4. С. 143–151.
- Гринин Л. Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 3 : Средневековая теология, теория истории и историография. Западная Европа. Лекция 4 : Философско-историческая мысль в Средние века. Византия, Русь, Арабский мир, Китай // Философия и общество. 2010. № 2 (58). С. 151–192.
- Гусева И. И. Историческая реальность в свете постмодернистского «вызова» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2004. № 9. С. 69–73.
- Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. 426 с.
- Ирвин А. А. Философия истории. М. : Гардарики, 2000. 528 с.
- Колесников С. А. Перспективы теологического историзма: разрешение неопределенности и вызовы противостояния // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 72–99.
- Кондаков И. В. К современной философии истории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4/2. С. 221–230.
- Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во МГУ, 1968. 232 с.
- Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / Г. В. Дашков, А. И. Долгова, И. И. Карпец [и др.]. М. : Юридическая литература, 1985. 416 с.
- Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений : в 33 т. Т. 33. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1969. 433 с.
- Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 159 с.
- Личман Б. В. Мировоззрение современной интерпретации истории: смысл истории или смысл в истории // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 9–11.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви (приняты Освященным Архиерейским Собором Русской православной церкви 13–16 августа 2000 г.) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 13.07.2023).
- Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М. : Языки русской культуры, 1998. 376 с.
- Преступность, ее виды и проблемы / под ред. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2011. 370 с.
- Причины преступности в России / под ред. Ю. М. Антоняна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. 346 с.
- Сахаров А. Б. Методологические вопросы изучения социальной обусловленности преступности // Влияние социальных условий на преступность : сборник научных трудов. М. : Институт Прокуратуры СССР, 1983. С. 6–29.
- Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М. : Современные тетради, 2003. 776 с.
- Советская криминология / А. А. Герцензон, В. К. Звирбуль, И. И. Карпец [и др.]. М. : Юридическая литература, 1966. 319 с.
- Сопов В. В., Ярославцева А. В. предмет истории и смысл исторического познания // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2022. № 3 (21). С. 86–99.
- Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда : социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006. 618 с.
- Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
- Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2021. 416 с.
- Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006. 561 с.

REFERENCES

- Adulo TI. Philosophy of history as reflection of the past, comprehension of the present and projection of the future. In: Karchevskaya NV (ed.). *The Culture. The Science. The Creativity*: Collection of Scientific Articles of the 16th International Scientific and practical conferences. Minsk; 12 May 2022. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts; 2022. (In Russ.).
- Alferov AA. The problem of the meaning of history. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2020;6A:71-77. (In Russ.).
- Anikina AB. Logic of the historical process: its construction and self-destruction. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 2016;14(1):83-93. (In Russ.).
- Antonyan YuM (ed.). The causes of crime in Russia. Moscow, St. Petersburg: Nestor-History Publ.; 2013. (In Russ.).
- Antonyan YuM, Zvizzhova OYu. Crime in the history of mankind. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).
- Antonyan YuM. The main features of crime. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya»*. 2022;2:89-99. (In Russ.).
- Babaev MM. Crime as a process (theoretical and applied problems of study). *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad*. 2010;2:291-303. (In Russ.).
- Bibikova LV. Postmodernism and the Value Crisis of European Historical Science. *Tetrady po konservatizmu*. 2015;3:59-72. (In Russ.).
- Bogomolova MA. The formation of the philosophical concept of postmodernism. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2008;4:335-342. (In Russ.).
- Dolgova AI (ed.). Crime, its types and problems. Moscow: Russian Criminological Association Publ.; 2011. (In Russ.).
- Gerzenzon AA, Zvirbul VK, Karpets II, et al. Soviet criminology. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1966. (In Russ.).
- Gerzenzon AA. Introduction to Soviet Criminology. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1965. (In Russ.).
- Gilinskiy YaI. Crime as a daily occurrence. *Teleskop*. 2019;1(133):24-26. (In Russ.).
- Gilinskiy YaI. Criminology: theory, history, empirical base, social control. 2nd ed. St. Petersburg: Yurid. Center-Press Publ.; 2009. (In Russ.).
- Golubov II, Denisenko MV. Some aspects of the ratio of sin and crime. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 2018;4:143-151. (In Russ.).
- Grinin LE. Theory, methodology and Philosophy of history: essays on the development of historical thought from antiquity to the middle of the XIX century. Lecture 3: Medieval theology, theory of history and historiography. Western Europe. Lecture 4: Philosophical and historical thought in the Middle Ages. Byzantium, Russia, the Arab world, China. *Filosofiya i obshchestvo*. 2010;2(58):151-192. (In Russ.).
- Guseva II. Historical reality in the light of the postmodern challenge. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*. 2004;9:69-73. (In Russ.).
- Harari YuN. 21 lessons for the XXI century. Trans. from Eng. Goldberg Yu. Moscow: Sinbad Publ.; 2021. (In Russ.).
- Inshakov SM. Criminology. Moscow: Jurisprudence Publ.; 2000. (In Russ.).
- Irwin AA. Philosophy of history. Moscow: Gardariki Publ.; 2000. (In Russ.).
- Kolesnikov SA. Perspectives of Theological Historicism: Resolution of Uncertainty and Challenges of Confrontation. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 2020;2(30):72-99. (In Russ.).
- Kondakov IV. Towards a modern Philosophy of history. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya». Sotsiologiya. Iskustvovedenie*. 2017;4(2):221-230. (In Russ.).
- Kuznetsova NF. Crime and Criminality. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1968. (In Russ.).
- Lenin VI. The State and the Revolution. In: Complete works: in 33 vols. Vol. 33. 5th ed. Moscow: Izd. polit. lit. Publ.; 1969. (In Russ.).
- Lichman BV. The worldview of the modern interpretation of history: the meaning of the story or the meaning in the story. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. 2015;6:9-15. (In Russ.).
- Liotar JF. The state of postmodernity. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya Publ.; 1998. (In Russ.).
- Pelipenko AA, Yakovenko IG. Culture as a system. Moscow: Languages of Russian culture Publ.; 1998. (In Russ.).
- Sakharov AB. Methodological issues of studying the social conditionality of crime. In: *The influence of social conditions on crime*. Moscow: Institute of the Prosecutor's Office of the USSR; 1983. (In Russ.).
- Semenov Yul. Philosophy of history. (General theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day). Moscow: Sovremennye tetrady Publ.; 2003. (In Russ.).

Shestakov DA. Criminology: New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world. 2nd ed. St. Petersburg: Yurid. Center-Press Publ.; 2006. (In Russ.).

Sopov VV, Yaroslavtseva AV. The subject of history and the meaning of historical cognition. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsialnoy antropologii)*. 2022;3(21):86-99. (In Russ.).

Sorokin PA. Crime and punishment, feat and reward: a sociological study on the basic forms of social behavior and morality. Moscow: Astrel Publ.; 2006. (In Russ.).

Sorokin PA. Social and cultural dynamics. Moscow: Astrel Publ.; 2006. (In Russ.).

The course of Soviet criminology: Subject. Methodology. Crime and its causes. A Criminal. Moscow: Jurid. lit. Publ.; 1985. (In Russ.).

The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church. Adopted by the Consecrated Bishops' Council of the Russian Orthodox Church, August 13–16, 2000. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (Accessed 13.07.2023). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
11081975@list.ru

Бабаев Михаил Матвеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
д. 25, стр. 1, Поварская ул., г. Москва 121069, Российская Федерация
babaevmm@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuri E. Pudovochkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
11081975@list.ru

Mikhail M. Babaev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
25/1, Povarskaya St., Moscow 121069, Russian Federation
babaevmm@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 29 июля 2023 г.

Статья получена после рецензирования 13 сентября 2023 г.

Принята к печати 17 октября 2023 г.

Received 29.06.2023.

Revised 13.09.2023.

Accepted 17.10.2023.